

УДК 325.14

DOI: 10.17506/18179568_2025_22_3_229

УПРАВЛЕНИЕ МИГРАЦИЕЙ В ЮЖНОЙ АМЕРИКЕ: ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛЬНОГО ДОГОВОРА О МИГРАЦИИ

Екатерина Дмитриевна Крапивницкая,

Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина,
Екатеринбург, Россия,
e.d.kravitskaya@urfu.ru

Получена 13.03.2025.

Поступила после рецензирования 14.05.2025.

Принята к публикации 09.06.2025.

Для цитирования: Крапивницкая Е.Д. Управление миграцией в Южной Америке: политико-правовые аспекты в контексте Глобального договора о миграции // Дискурс-Пи. 2025. Т. 22. № 3. С. 229–249. https://doi.org/10.17506/18179568_2025_22_3_229

Аннотация

Актуальность исследования обусловлена тем, что в последние годы миграция приобрела особую актуальность в национальной, региональной и международной политической повестке дня. Южная Америка является крупнейшим латиноамериканским субрегионом, принимающим большие потоки мигрантов. Интенсификация миграционных потоков побуждает южноамериканские государства к поиску эффективных механизмов управления миграционными процессами. Статья посвящена анализу политических и законодательных инноваций в сфере управления миграцией в странах Южной Америки в контексте Глобального договора о безопасной, упорядоченной и легальной миграции. Рассмотрены основные принципы договора и их соотношение с традициями миграционной политики субрегиона. Установлено, что в Южной Америке был создан режим упрощенной мобильности и проживания внутрирегиональных мигрантов, однако страновая специфика политико-правового регулирования массовых миграционных потоков может различаться. Проведен анализ эволюции миграционной политики южноамериканских стран на основе об-

© Крапивницкая Е.Д., 2025

зора законодательства и политического анализа институциональных мер, принятых Бразилией, Чили, Аргентиной, Эквадором, Перу и Колумбией. Исследованы основные стратегии управления миграцией, а также инструменты и механизмы, применяемые в условиях массового исхода венесуэльских мигрантов. Дана характеристика факторов, влияющих на формирование миграционной политики стран субрегиона. Отмечается, что подход, объединяющий государственный контроль и защиту прав человека является основной чертой управления миграцией в Южной Америке. В результате проведенного анализа делается вывод о том, что южноамериканский миграционный режим сочетает, с одной стороны, политику контроля и защиты национальной безопасности, а с другой – свободу передвижения и защиту прав человека.

Ключевые слова:

Южная Америка, Глобальный договор о миграции, миграция, миграционная политика, секьюритизация, регуляризация мигрантов

Источники финансирования:

Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ), проект 24–28–01363, <https://rscf.ru/project/24-28-01363/>

UDC 325.14

DOI: 10.17506/18179568_2025_22_3_229

MIGRATION MANAGEMENT IN SOUTH AMERICA: POLITICAL AND LEGAL ASPECTS IN THE CONTEXT OF THE GLOBAL COMPACT FOR MIGRATION

Ekaterina D. Krapivnitskaya,

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin,
Ekaterinburg, Russia,
e.d.krapivnitskaya@urfu.ru

Received 13.03.2023.

Revised 14.05.2023.

Accepted 09.06.2023.

For citation: Krapivnitskaya, E.D. (2025). Migration Management in South America: Political and Legal Aspects in the Context of the Global Compact for Migration. *Discourse-P*, 22(3), 229–249. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2025_22_3_229

Abstract

The relevance of the study is due to the fact that in recent years, migration has acquired particular relevance in the national, regional and international political agenda. South America is the largest Latin American subregion, receiving large flows of migrants. The intensification of migration flows encourages South American states to search for effective mechanisms for managing migration processes. The article analyzes political and legislative innovations in migration management in South American countries in the context of the Global Compact for Safe, Orderly and Regular Migration. The author examines the main principles of the compact and their connection with the traditions of the subregion's migration policy. It is shown that a simplified mobility and residence regime for intraregional migrants was created in South America, however, the national specifics of the political and legal regulation of mass migration flows may differ. The analysis of the evolution of migration policies of South American countries is conducted based on a review of legislation and a political analysis of institutional measures adopted by Brazil, Chile, Argentina, Ecuador, Peru and Colombia. The main migration management strategies, as well as the instruments and mechanisms used in the context of the mass exodus of Venezuelan migrants, are studied. The article provides a description of the factors influencing the formation of the migration policy of the countries in the subregion. It is noted that the approach combining state control and human rights protection is the main characteristic of migration management in South America. As a result of the study, it is concluded that the South American migration regime combines, on the one hand, the policy of control and protection of national security, and on the other hand, freedom of movement and protection of human rights.

Keywords:

South America, Global Migration Compact, migration, migration policy, securitization, regularization of migrants

Funding:

The study was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation within the framework of the scientific project No. 24–28–01363, <https://rscf.ru/project/24-28-01363/>

Введение

В XXI веке в Латинской Америке был разработан миграционный режим¹, характеризующийся облегчением внутрирегиональной мобильности и расширением прав на доступ к рынку труда, системам общественного здравоохранения

¹ Под миграционным режимом понимается «совокупность правовых средств, объединенных едиными целями правовой миграционной политики и правилами их применения, осуществляемых субъектами, реализующими миграционную политику» (Кудин, 2022, с. 122).

и образования, а также регуляризацией мигрантов (Acosta, Harris, 2022, p. 6). Однако, необходимо отметить, что данный режим в большей степени присущ субрегиону Южной Америки (Brumat, 2022, p. 80).

Многие страны Южной Америки традиционно являются странами назначения мигрантов и беженцев, что обуславливает их стремление к поиску эффективных механизмов управления миграцией как на региональном, так и национальном уровнях. Исследователи характеризуют южноамериканский миграционный режим как «либеральный» (Cernadas & Freier, 2015, p. 14) и «прогрессивный» (Acosta, 2018, p. 21), что означает его приверженность поощрению и защите прав человека мигрантов. Также он отмечается как один из самых развитых в мире после режима свободного передвижения Европейского союза (см. Brumat, Vera Espinoza, 2024, p. 320).

Южная Америка – крупнейший субрегион Сообщества стран Латинской Америки и Карибского бассейна (ЛАКБ), принимающий большие потоки переселенцев. В 2020 г. насчитывалось около 11 млн международных мигрантов в южноамериканских странах, в то время как в 2015 г. их число составляло 6.1 млн². Интенсификация миграционных потоков в пределах Южной Америки создает сложности для правительств и принимающих сообществ, укрепляя категоризацию мигрантов на «желательных» и «нежелательных», однако противовесом этому селективному подходу выступает защита прав мигрантов, консолидированная в рамках межамериканской системы (Gissi, Aruj, & Polo, 2021, p. 1018). Рост перемещений в Южной Америке вместе с масштабным исходом венесуэльского населения, являющимся крупнейшим миграционным кризисом в истории региона³, поставил проблему миграции в число политических приоритетов региона и придал новую значимость вопросам управления мобильностью населения.

Сегодня Южная Америка является важным актором международных форумов по миграции. Так, во время переговоров по Глобальному договору о безопасной, упорядоченной и легальной миграции (ГДМ) южноамериканские страны призвали к всеобщему признанию права на миграцию и регуляризации мигрантов вместо высылки в качестве решений проблемы нерегулярности⁴.

Правовая природа, специфика и роль ГДМ как инструмента управления миграционными процессами изучались в работах О.Ю. Потемкиной (2018), А. Кортилья (2018), Т. Фахардо дель Кастийо (2019).

Проблема миграции в странах Южной Америки активно изучается в научных трудах зарубежных исследователей (Acosta, 2018; Brumat, 2022; Vera

² Total number of international migrants at mid-year 2020 (n.d.). Retrieved July 25, 2024, from https://www.migrationdataportal.org/international-data?m=2&sm49=5&i=stock_abs_&t=2020

³ UNHCR (2022). *Emergency appeal. Venezuela Situation*. Retrieved August 7, 2024, from <https://www.unhcr.org/emergencies/venezuela-situation>

⁴ South American conference on migration Lima declaration on the Global compact for a safe, orderly and regular migration (2017, September 28). Retrieved September 3, 2024, from https://csmigraciones.org/sites/default/files/2020-12/south_american_conference_lima_declaration_0.pdf

Espinoza, 2024), посвятивших свои труды изучению специфики управления миграционными процессами на региональном и национальном уровнях. Особо выделяется монография М.К. Лаго (2023), в которой исследуется миграционная политика южноамериканских стран и проблемы управления миграцией в рамках региональных форумов и интеграционных объединений. Также ряд публикаций посвящен феномену политизации миграции в Южной Америке (Jarochinski Silva, Macaísta Malheiros, 2024).

В исследованиях Н.Ю. Кудеяровой (2020) подробно рассматриваются особенности и динамика миграционных процессов в регионе Латинской Америки. Проблема венесуэльского миграционного кризиса анализируется в работе Н.Ю. Кудеяровой и Д.М. Розенталя (2020).

Однако в отечественной науке отсутствуют комплексные работы, посвященные управлению и политико-правовому регулированию миграционных процессов в южноамериканских странах на региональном и национальном уровнях, и, в частности, их деятельности по реализации ГДМ 2018 г.

Исходя из этого, цель данной статьи состоит в исследовании эволюции миграционной политики в субрегионе Южной Америки, в частности региональных и национальных подходов в управлении миграционными процессами в контексте осуществления ГДМ.

Глобальный договор о миграции и Южная Америка

Во второй половине 2010-х гг. на международном уровне был реализован ряд широкомасштабных инициатив в области миграции. 19 сентября 2016 г. в рамках Генеральной Ассамблеи ООН состоялось подписание Нью-Йоркской декларации, в соответствии с которой государства обязались, среди прочего, разработать два пакта, касающихся мобильности людей: Глобальный договор о безопасной, упорядоченной и легальной миграции (ГДМ) и Глобальный договор о беженцах (ГДБ). Идея глобальных договоров соответствует цели 10.7 Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 г.⁵

ГДМ является новаторским документом, поскольку в нём впервые управление миграцией рассматривается на уровне ООН, учитывая, что миграция традиционно является сферой внутренней политики государств. В этом смысле ГДМ представляет собой первое международное соглашение между странами-донорами и реципиентами мигрантов (Потемкина, 2018, с. 86), имеющее целью разработать всеобъемлющую стратегию для решения проблем и возможностей, создаваемых международными перемещениями людей. Договор является инструментом, призванным способствовать использованию преимуществ миграции и защите мигрантов⁶. ГДМ охватывает все аспекты международной миграции,

⁵ *Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года.* (2015, 25 сентября). Взято 20 июля 2024, с <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n15/291/92/pdf/n1529192.pdf>

⁶ *Global Compact for Safe, Orderly and Regular Migration* (2018, December 19). Retrieved July 20, 2024, from <https://docs.un.org/en/A/RES/73/195>

устанавливает ряд целей и обязательств, и при этом основывается на признании суверенитета каждого государства в управлении границами и реализации миграционной политики. ГДМ был принят в декабре 2018 г. на Межправительственной конференции в Марракеше г. более чем 160 государствами, что сделало его универсальным документом по миграции с наибольшим числом участников.

Поскольку договор имеет рекомендательный характер, степень его реализации и соблюдения зависит от политических и правовых традиций подписавших его государств, а также региональной консолидации в рамках интеграционных объединений. Для стран Южной Америки характерна приверженность идеям гуманизма и защиты прав человека, что подтверждается активным участием субрегиона в подготовке этого документа в силу имеющихся давних традиций приема мигрантов. Однако, стремясь обеспечить потребности мигрантов, находящихся в уязвимом положении в условиях массового перемещения, они разрабатывают инструменты управления миграцией с учетом интересов государственной безопасности.

Так, сразу после вступления в должность президента Жаира Болсонару в январе 2019 г. Бразилия вышла из ГДМ, несмотря на одобрение соглашения в Марракеше⁷. Произошло резкое изменение позиции, которую страна занимала в течение двух последних десятилетий в сторону суверенитета в вопросе миграции⁸. Однако в январе 2023 г. после избрания президента Лула да Силва Бразилия вновь присоединилась к ГДМ. Генеральный директор МОМ Антониу Виторино объяснил этот шаг растущим пониманием того, что «управление миграцией на принципиальной основе требует международного сотрудничества»⁹.

При президенте Себастьяне Пиньера Чили также отказалось подписывать ГДМ за несколько дней до встречи в Марракеше в декабре 2018 г., несмотря на активную роль страны в переговорах и подтверждение приверженности договору за два месяца до этого во время выступления Пиньеры на 73-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН¹⁰. Глава государства выступил в защиту данного решения заявив, что «Марракешский миграционный пакт противоречит некоторым целям и принципам миграционной политики» Чили, а его цели и со-

⁷ Болсонару подтвердил, что Бразилия выйдет из Глобального договора о миграции (2018, 19 декабря). Взято 28 августа, 2024, с <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/5929227>

⁸ Brumat, L. (2019, February 1). *Migration and the 'rise of the right' in South America: Is there an increasing anti-immigration sentiment in the Southern Cone?* Retrieved August 28, 2024, from <https://blogs.eui.eu/migrationpolicycentre/migration-rise-right-south-america-increasing-anti-immigration-sentiment-southern-cone/>

⁹ *The United Nations Network on Migration welcomes the decision of the government of Brazil to embrace the Global Compact for Safe, Orderly and Regular Migration* (n. d.). Retrieved August 28, 2024, from <https://migrationnetwork.un.org/un-network-migration-welcomes-brazils-return-global-compact-safe-orderly-and-regular-migration>

¹⁰ *Presidente Piñera interviene en la 73ª Asamblea General de la ONU y fija prioridades en seguridad, migraciones, medio ambiente y derechos humanos* (2018, September 27). Retrieved September 5, 2024, from <https://prensa.presidencia.cl/discurso.aspx?id=82911>

держание способствуют нелегальной миграции, создают новые обязательства для чилийского государства, ограничивают его суверенитет¹¹.

Другие страны, принимающие большие потоки мигрантов, сохранили участие в ГДМ. Например, Аргентина, позиционирующая себя «страной им-миграции», как закреплено в Преамбуле Национальной конституции. Аргентине свойственен более либеральный подход к управлению миграцией, чем Бразилии и Чили, которые в свою очередь позиционируют себя как страны, открытые для регулярной и упорядоченной, и, следовательно, *контролируемой* миграции (Brumat, 2024, p. 322).

Региональное обзорное совещание по реализации ГДМ в ЛАКБ состоялось 26–28 апреля 2021 г.¹² В мероприятии, соорганизаторами которого выступили Международная организация по миграции (МОМ) и Экономическая комиссия для Латинской Америки и Карибского бассейна (ЭКЛАК), приняли участие министры и высшие должностные лица государств-членов ЭКЛАК и ассоциированных членов, а также представители межправительственных организаций системы ООН, гражданского общества, научных кругов. В ходе совещания подчеркивался значительный прогресс в реализации ГДМ, а также твердая приверженность латиноамериканских государств его целям¹³.

В 2022 г. был представлен региональный отчет по имплементации ГДМ, в котором отмечалась сложная структура внутрирегиональной миграции в ЛАКБ¹⁴. В отчете также были отмечены региональные и субрегиональные инициативы и особые успехи Колумбии и Эквадора по реализации ГДМ.

Национальные подходы к управлению миграцией в южноамериканских странах

Рассмотрим, как реализуются нормы в области политико-правового регулирования миграции в странах Южной Америки, в частности Аргентине, Бразилии, Чили, Эквадоре, Перу и Колумбии. Несмотря на свой прогрессивный

¹¹ *Presidente Piñera defiende posición de no sumarse al Pacto Mundial para la Migración* (2018, December 10). Retrieved September 5, 2024, from <https://prensa.presidencia.cl/comunicado.aspx?id=88452>

¹² *Países reiteran compromiso con la implementación del Pacto Mundial e instan a observar la migración como una contribución a la democracia, la diversidad y el desarrollo sostenible* (2021, April 26). Retrieved August 20, 2024, from <https://pactomigracion.cepal.org/es/noticias/paises-reiteran-compromiso-la-implementacion-pacto-mundial-e-instan-observar-la-migracion>

¹³ *Países de América Latina y el Caribe refrendan su compromiso con la migración segura, ordenada y regular* (2021, April 28). Retrieved August 20, 2024, from <https://americas.iom.int/es/news/paises-de-america-latina-y-el-caribe-refrendan-su-compromiso-con-la-migracion-segura-ordenada-y-regular>

¹⁴ *Report on the regional review of the implementation of the Global Compact for Safe, Orderly and Regular Migration in Latin America and the Caribbean* (2022, February). Retrieved August 23, 2024, from https://migrationnetwork.un.org/system/files/docs/Report%20on%20GCM%20Regional%20Review%20LAC%20%28final%29_0.pdf

и правозащитный характер, региональные подходы и принципы не всегда находили отражение в национальной политике.

На протяжении 2000-х гг. большинство южноамериканских стран применяли национальную политику, основанную на уважении прав человека по отношению к мигрантам, усилиях по регуляризации и необходимости декриминализации миграции. Однако в регионе также утвердилась парадигма национальной безопасности, которая сосуществует с этим «либеральным» миграционным режимом, что приводит к реализации миграционной политики и принятию законов, сочетающих подходы, ориентированные на контроль, и подходы, основанные на уважении прав человека. Так, в середине 2010-х гг., характеризующихся политикой «правого поворота», южноамериканские страны, прежде всего Аргентина, Бразилия, Чили, Перу и Эквадор, приняли ряд ограничительных мер, изменивших национальное миграционное законодательство. Тем не менее, данные меры напрямую не противоречили региональной миграционной политике (Brumat, Vera Espinoza, 2024, p. 322).

Аргентина эпохи киршнеризма (2003–2015 гг.) ввела либеральный подход к управлению миграцией в 2004 г., став первой южноамериканской страной, принявшей закон о миграции, основанный на соблюдении прав человека (Acosta, 2018). Закон об иммиграции № 25871/2004 года предоставил мигрантам ряд социальных и гражданских прав, таких как право на образование, получение медицинской и юридической помощи, право на воссоединение с семьей и обжалование решения о депортации в судебном порядке. Важно отметить, что этот закон стал первым в мире национальным актом, включившим «право на миграцию» в качестве основного права человека (Brumat, 2024, p. 329). Однако в дальнейшем последовали изменения в либеральной миграционной политике страны. Так, в 2014 г. закон № 27063 разрешил высылку иностранцев, пойманных на месте преступления¹⁵. В 2017 г. президент Аргентины Маурисио Макри подписал Указ № 70/2017, который внес поправки в закон № 25871/2004 г. тем самым облегчив ускоренную высылку нелегальных иммигрантов, а также усложнив процесс получения постоянного вида на жительство¹⁶. Как указано в преамбуле указа, новая миграционная норма была оправдана соображениями безопасности и борьбы с организованной преступностью, в частности в связи с увеличением числа заключенных лиц, не имеющих гражданства Аргентины. Такой ограничительный поворот был нехарактерен для Аргентины, играющей важную роль в разработке либерального и открытого регионального режима мобильности в Южной Америке. Позднее данный указ был признан несоответствующим Конституции, однако он был окончательно отменен только в марте 2021 г. следующим президентом новой «либеральной волны» Альберто Фернандесом (Аршин, 2021, с. 57). Также в 2022 г. Национальное управление по миграции Аргентины утвердило «специальный режим регулирования миграции иностранцев стран-

¹⁵ Ley № 27063 (2014, December 10). Retrieved September 4, 2024, from <https://www.argentina.gob.ar/normativa/nacional/ley-27063-239340/actualizacion>

¹⁶ Decreto DNU 70/2017 (n.d.). Retrieved September 4, 2024, from <https://www.argentina.gob.ar/normativa/nacional/decreto-70-2017-271245>

членов Карибского сообщества (КАРИКОМ), Доминиканской Республики и Республики Куба», направленный на легализацию их статуса¹⁷.

Бразильский закон о миграции № 13445 от 2017 г. заменил закон об иностранцах 1980 г., принятый еще военным правительством, и рассматривающий миграцию как угрозу рынку труда и безопасности. Новый закон, разрабатывавшийся с 2014 г. прогрессивным правительством Дилмы Руссефф, отличается «гуманитарным духом» и основывается на международных стандартах прав человека, имплементированных Бразилией. Кроме того, в его обсуждении принимали участие организации гражданского общества и НПО (Ramírez, & Grajales, 2021, p. 12). Основные нововведения включают некриминализацию миграции, регуляризацию мигрантов независимо от их миграционного статуса, расширение прав мигрантов в отношении гражданства и политического участия, а также такие *специальные меры*, как гуманитарные визы. Принятие закона «вывело Бразилию в первые ряды защитников прав мигрантов»¹⁸. Однако правоцентристский президент Мишель Темер наложил вето на 20 наиболее прогрессивных статей нового закона из-за соображений безопасности, подобно тем, которые преобладали в Аргентинском правительстве в том же году¹⁹. Правый поворот в Бразилии усилился в январе 2019 г. с приходом на пост президента крайне правого политика и противника мигрантов Жаира Болсонару. При этом, несмотря на секьюритизацию общественно-политического дискурса по вопросу миграции, венесуэльские переселенцы получили статус беженцев в рамках коллективной процедуры *prima facie*, благодаря решению Национального комитета по беженцам, применившему гуманитарный подход²⁰. В 2021 г. было утверждено разрешение на проживание для иммигрантов, являющихся гражданами приграничной страны, где Соглашение о проживании для граждан государств-участников МЕРКОСУР и ассоциированных стран не имеет силы.

Чили, как одна из самых экономически развитых стран Южной Америки, выступает в качестве основного места назначения мигрантов на Глобальном Юге²¹. В 2008 г. после избрания Мишель Бачелет президентом была опубликована Президентская инструкция № 9, в которой Чили позиционировалась как гостеприимная страна, принимающая мигрантов без дискриминации и гарантирующая их права²². Однако с приходом правой коалиции во главе с президен-

¹⁷ *Disposición 941/2022* (2022, May 24). Retrieved September 27, 2024, from <https://www.argentina.gob.ar/normativa/nacional/disposici%C3%B3n-941-2022-365266/texto>

¹⁸ Доклад рабочей группы по универсальному периодическому обзору. Бразилия (2017, September, 7). Взято 25 октября 2024, с https://upr-info.org/sites/default/files/documents/2018-01/a_hrc_36_11_add.1_ru.pdf

¹⁹ *Lei № 13.445* (2017, March 24). Retrieved September 4, 2024, from https://www.planalto.gov.br/ccivil_03/_ato2015-2018/2017/lei/13445.htm

²⁰ *Brazil: Prima facie recognition* (n.d.). Retrieved November 11, 2024, from <https://www.asiloamericas.org/brasil-reconocimiento-prima-facie-en/>

²¹ Doña Revecó, C. (2022, May 18). *Chile's Welcoming Approach to Immigrants Cools as Numbers Rise*. Retrieved September 5, 2024, from <https://www.migrationpolicy.org/article/chile-immigrants-rising-numbers>

²² *Ibid.*

том Себастьяном Пиньерой иммиграция стала рассматриваться с точки зрения экономики и безопасности. В 2018 г. в Чили начался так называемый период политики «наведения порядка в доме» (*ordenar la casa*). В апреле 2018 г., всего через месяц после вступления в должность нового президента, правительство Пиньеры объявило о миграционной реформе, в результате которой в 2021 г. был окончательно принят новый закон о миграции № 21325, заменивший декрет-закон № 1094 от 1975 г. времен военной диктатуры Аугусто Пиночета²³. Стоит отметить, что хотя закон включает меры, нацеленные на защиту прав мигрантов и их включение в чилийское общество, его окончательная версия ограничивает доступ к этим правам и эффективной интеграции²⁴.

Действия по управлению миграцией, принятые новым правительством, касались иммиграционного и пограничного контроля. Среди прочего, был проведен внеочередной процесс регуляризации части мигрантов с неурегулированным статусом, усилены ограничения на въезд для венесуэльцев и гаитян посредством введения консульской туристической визы, отменена временная рабочая виза, усилены механизмы высылки, в пяти регионах северного Чили реализован План безопасной границы, подразумевавший её милитаризацию (Tapia, Rodríguez, & Rojas, 2020, p. 179). Данная политика была связана с ростом иммиграции в Чили в период с 2017 по 2020 гг., в особенности из Гаити и Венесуэлы. Сохраняя нарратив безопасности, который определял политику Чили по отношению к иммигрантам с 1970-х гг., действия Пиньеры были направлены, с одной стороны, на содействие политике границ, открытых для упорядоченной и легальной миграции, и, с другой стороны, закрытых для нелегальной миграции, торговли людьми и контрабанды мигрантов (Tapia, Rodríguez, & Rojas, 2020, p. 179).

В Колумбии в 2011 г. был принят Закон № 1465, согласно которому была создана Национальная миграционная система, состоящая из широкой сети государственных учреждений и организаций гражданского общества и призванная оказывать поддержку правительству и Министерству иностранных дел в разработке, реализации и оценке миграционной политики. В 2013 г. правительство утвердило Указ № 834, который установил более благоприятный режим для трудящихся-мигрантов, упростив систему въезда и пребывания на территории страны. Он также сократил категории виз с шести до трех и расширил виды деятельности, которые иммигранты могут осуществлять в Колумбии.

В ответ на приток венесуэльцев в страну Колумбия объявила о специальном разрешении на пребывание, однако эта мера не смогла полностью решить проблему, поскольку у большинства венесуэльцев отсутствовали ресурсы для продления статуса. 8 февраля 2021 г. президент Колумбии Иван Дукэ Маркес сообщил о создании Статута о временной защите венесуэльских мигрантов, который был принят в марте 2021 г. на основе Указа № 216²⁵. Статут направлен

²³ Ley 21325 (2021, April 20). Retrieved September 5, 2024, from <https://www.bcn.cl/leychile/navegar?idNorma=1158549>

²⁴ Doña Reveco, C. (2021, May). *Chile's Retooled Migration Law Offers More Restrictions, Less Welcome*. Retrieved September 5, 2024, from <https://www.migrationportal.org/insight/chiles-retooled-migration-law-offers-more-restrictions-less-welcome/>

²⁵ Decreto 216 (2021, March 1). Retrieved September 8, 2024, from <https://dapre.>

на защиту мигрантов из Венесуэлы, в том числе имеющих нелегальный статус, и предусматривает выдачу вида на жительство сроком на десять лет. Это «историческое»²⁶ решение представляет собой новый гибкий правовой механизм в управлении миграцией, который позволяет урегулировать положение венесуэльских мигрантов и интегрировать их в принимающее общество посредством регуляризации.

Эквадор с начала XXI в также является страной, принимающей большое количество иммигрантов. С момента прихода к власти Рафаэля Корреа в 2007 г. правительство включило проблему иммиграции в свою повестку, применив правозащитный подход. Наиболее значимыми законодательными инновациями данного периода стали Политическая конституция 2008 г. и Органический закон о мобильности людей в 2017 г. Новая конституция, в которой признается «право на миграцию», ознаменовала «сдвиг парадигмы», сосредоточив внимание на правах людей в условиях мобильности и отказавшись от концепций и практик, связанных с национальной безопасностью (Lago, 2023, p. 122). Среди реализованных мер следует назвать беспрецедентную отмену въездных виз в страну для всех национальностей, предложение всеобщего гражданства для жителей стран ЛАКБ, предоставление политических прав иммигрантам, признание около 30 тыс. колумбийцев беженцами в период с 2009 по 2010 гг., регуляцию мигрантов из Гаити, пострадавших от землетрясения 2010 г. и др. (Ramírez, & Grajales, 2021, p. 19).

Однако после избрания Ленина Морено на пост президента в 2017 г. произошел сдвиг миграционной политики Эквадора в сторону контроля и безопасности как элементов стратегической «правительственной рациональности» (Beyers, Nicholls, 2020, p. 635), но при этом был сохранен гуманитарный дискурс о защите прав мигрантов. Так, Морено ввел въездную визу венесуэльцам, как это сделали Перу и Чили. В июле 2019 г. правительство подготовило законопроект о реформировании Закона о мобильности, направленный на оптимизацию процессов депортации иностранных граждан, нарушивших закон и представляющих угрозу или риск для общественной безопасности и структуры государства. Данная норма подчеркивает изменение миграционной политики путем установления более строгих критериев безопасности, суверенитета и контроля.

Тем не менее, непрекращающийся наплыв мигрантов, большинство из которых находились в нелегальном статусе, подчеркивал необходимость поиска способов их легализации. В июне 2022 г. президент Гильермо Лассо подписал указ № 436, согласно которому была проведена миграционная амнистия и специальная процедура регуляризации венесуэльцев, въехавших на территорию через официальные пункты иммиграционного контроля Эквадора и находящихся в нелегальном статусе.

presidencia.gov.co/normativa/normativa/DECRETO%2016%20DEL%201%20DE%20MARZO%20DE%202021.pdf

²⁶ *La meta para 2021 son 800 mil venezolanos regularizados* (2021, February 11). Retrieved September 8, 2024, from <https://www.infobae.com/america/colombia/2021/02/11/la-meta-para-2021-son-800-mil-venezolanos-regularizados-juan-francisco-espinosa-director-de-migracion-colombia/>

В Перу основным инструментом регулирования въезда и пребывания иммигрантов на протяжении более 25 лет был закон об иностранцах 1991 г., дополнявшийся последующими указами. Миграционная политика была направлена на поощрение иммиграции лиц, которые могли бы внести свой вклад в развитие страны, предусматривалась высылка иммигрантов, совершивших любые преступления, а также необходимость ежегодного подтверждения семейного статуса. В 2015 г. был принят законодательный декрет № 1236, направленный на укрепление государственной безопасности и содействие упорядоченной миграции. Однако данный декрет не был введен в действие.

При президенте Педро Пабло Кучински в 2017 г. был принят законодательный декрет № 1350, в результате которого миграционная политика Перу стала более ориентированной на права человека²⁷. Документ устанавливает положения о выдаче документов, удостоверяющих личность иностранцев и защите их основных прав, предусматривает создание информационного реестра мигрантов. В том же году было введено временное разрешение на проживание (*РТР*) для венесуэльцев и утверждена Национальная миграционная политика до 2025 г., направленная на содействие интеграции иностранцев в перуанское общество, защиту их прав и культурной самобытности²⁸. В первой половине 2018 г. были приняты два законодательных акта, которые также способствовали смягчению требований в отношении мигрантов: предусматривался иммиграционный статус «Особый резидент» для граждан Венесуэлы, имеющих *РТР*, и выдача разрешения на работу венесуэльцам, которые только запросили *РТР*.

Приход к власти Мартина Вискарры в середине 2018 г. привел к созданию менее восприимчивой среды в отношении мигрантов. Три новых законодательных акта способствовали ужесточению требований въезда и постоянного проживания. В связи с массовыми потоками венесуэльских мигрантов в 2019 г., превратившими Перу во вторую по величине страну приёма, были введены ограничительные меры для въезда в страну лиц данной национальности, которым теперь требовался паспорт и гуманитарная виза.

Стоит подчеркнуть, что до 2018 г. миграционная политика Перу была относительно открытой и направленной на защиту потребностей беженцев и мигрантов, но с 2018 г. она стала более рестриктивной, а возможности для легализации венесуэльцев были ограничены. В 2020 г. после очередной смены правительства были пересмотрены меры по регуляризации мигрантов, в частности введена карта временного разрешения на проживание (*СРР*), предоставляемая всем иностранцам с неурегулированным статусом. В 2021 г. были внесены два изменения в закон о миграции, заключающиеся в облегчении доступа к легальной миграции детей и подростков и расширении возможностей получения иммиграционной карты.

²⁷ *Decreto Legislativo № 1350. Ley de Migraciones* (2021, February 6). Retrieved November 6, 2024, from <https://www.gob.pe/institucion/migraciones/informes-publicaciones/1643265-decreto-legislativo-n-1350-ley-de-migraciones>

²⁸ *Migración reciente hacia el Perú: situación, respuestas de política y oportunidades* (2022). Retrieved November 6, 2024, from <https://www.undp.org/sites/g/files/zskgke326/files/2022-10/PNUDLAC-working-paper-35-Peru-ES.pdf>

Таким образом, исследование показывает, что в Южной Америке частью властной структуры являются «секьюритисты», которые влияют на принятие ограничительной миграционной политики, связывая миграцию с вопросами безопасности и ориентируясь на политику стран Глобального Севера (Brumat, 2024, p. 326). В период массовых миграционных потоков, в особенности вызванных венесуэльским кризисом, государства под руководством «правых правительств» сделали выбор в пользу суверенитета и нерецептивных мер. Тем не менее, несмотря на национальную парадигму безопасности, эти страны не отказались от либерального южноамериканского миграционного режима и в целом придерживаются основных региональных норм, регулирующих мобильность людей. Тем самым, управление миграцией в Южной Америке характеризуется сосуществованием мер, ориентированных как на контроль, так и основанных на уважении и защите прав человека.

Политико-правовое регулирование миграции в контексте венесуэльского кризиса

Миграционная политика южноамериканских государств за последние годы столкнулась с рядом вызовов, среди которых экономический и политический кризисы, ограничительные меры в период пандемии и массовый исход венесуэльских переселенцев.

Одним из значимых последствий ограничений в период пандемии стало возвращение мигрантов в страны происхождения (Brumat & Finn, 2021, p. 10). По оценкам Организации американских государств (ОАГ), более 100 тыс. венесуэльских мигрантов вернулись на родину с марта по сентябрь 2020 г. (в основном из Бразилии и Колумбии) из-за невозможности трудоустройства или потери работы²⁹. Однако закрытие колумбийско-венесуэльской границы и криминализация вернувшихся мигрантов усугубили их уязвимое положение³⁰. В докладе Генерального секретариата ОАГ был выражен призыв прекратить дискриминацию, стигматизацию и криминализацию вернувшихся венесуэльцев, гарантируя им свободный въезд на территорию Венесуэлы и свободное передвижение внутри национальной территории³¹. Кроме того, многие страны прибегали к милитаризации границ, в том числе Бразилия, Чили, Колумбия, Эквадор, Перу, Уругвай и Аргентина, что увеличило количество незаконных пересечений границ и заставило мигрантов выбирать все более опасные пути, такие как переход через Дариен. Также было ограничено право подавать ходатайство об убежище в странах субрегиона, например, в Бразилии (Acosta & Brumat, 2020, p. 4).

²⁹ *Informe de la OEA resalta dificultades que tienen venezolanos que retornan o buscan regresar a su país* (2020, September 9). Retrieved August 22, 2024, from https://www.oas.org/es/centro_noticias/comunicado_prensa.asp?sCodigo=C-091/20

³⁰ Ibid.

³¹ *Situación de los venezolanos que han retornado y buscan regresar a su país en el contexto del COVID-19* (2020, September). Retrieved August 22, 2024, from https://www.oas.org/documents/spa/press/OEA_Retornados-Venezolanos_ESP.pdf

Подобные ситуации способствовали тому, что тема миграции стала чаще появляться в политическом дискурсе и СМИ, что привело к её политизации.

Как отмечает Брумат, подход, объединяющий государственный контроль и защиту прав человека, является характерной и постоянной характеристикой управления миграцией в субрегионе Южной Америки³². Ярким примером является Чилийский миграционный закон. Несмотря на то, что он содержит множество рестриктивных норм, в нем также предусматривается защита и уважение прав человека по отношению к иностранцам, находящихся в Чили, независимо от их иммиграционного статуса. Подобные нормы присутствуют в иммиграционном законодательстве большей части стран региона (Brumat, 2022, p. 83).

Поиск средств регуляризации как решение проблемы нелегальной миграции в Южной Америке является распространенной политической позицией. Государства расширяют права мигрантов, чтобы помочь им интегрироваться в принимающее общество и экономику, при этом государственный контроль усиливается за счет регистрации населения, проживающего на территории (Brumat, 2020, p. 154). Эти меры были указаны в Соглашении о проживании граждан государств-участников МЕРКОСУР и в национальных иммиграционных законах. Также меры регуляризации могут быть направлены на определенную национальность. Как уже отмечалось, политика регуляризации последних лет в основном была направлена на граждан Венесуэлы. Статут о временной защите венесуэльских мигрантов, принятый Колумбией в 2021 г. и предусматривающий предоставление статуса временной защиты на десять лет, является одним из главных примеров тенденции поиска новых способов легализации региональных мигрантов³³. Согласно официальной статистике, Колумбия уже одобрила вид на жительство более 1,8 млн человек³⁴, что является одним из крупнейших процессов массовой регуляризации в истории региона (Brumat, 2021, p. 6).

Легализация мигрантов в Чили, Эквадоре, Боливии и Перу также подтверждает предпочтение южноамериканских государств в пользу регуляризации как инструмента управления недокументированной миграцией в случаях, когда Соглашение о проживании МЕРКОСУР не действует в отношении мигрантов, не имеющих документов. Некриминализация нелегальных мигрантов является элементом отличительной региональной позиции в миграционной повестке дня, которую страны Южной Америки поддерживают на международных форумах, в том числе на переговорах по принятию ГДМ (Acosta, Brumat, 2020, p. 4).

³² Brumat, L. (2021, April 15). *State Control + Human Rights: Venezuelan Displacement to Colombia y Lessons from South American Migration Governance*. Retrieved September 12, 2024, from <https://blogs.eui.eu/migrationpolicycentre/state-control-human-rights-venezuelan-displacement-to-colombia-south-american-migration-governance/>

³³ *Decreto número 216* (2021, March 1). Retrieved September 10, 2024, from https://www.migracioncolombia.gov.co/sites/unidad-administrativa-especial-migracion-colombia/content/files/000047/2321_decreto-216-del-1-de-marzo-de-2021.pdf

³⁴ *Estatuto Temporal de Protección para Migrantes Venezolanos – ETPV* (2024, September 5). Retrieved September 10, 2024, from <https://www.migracioncolombia.gov.co/etpv/etpv>

Тем не менее, общие субрегиональные тенденции управления миграцией сосуществуют с фрагментацией национальных политических мер. Как отмечает Брумат, в Южной Америке можно выделить две большие группы стран: «Анды» и «Атлантика и Колумбия» (Brumat, 2021, p. 1). Первая группа (Чили, Эквадор и Перу) приняла краткосрочную национальную политику, такую как временная регуляризация, и в этой группе были более заметны ксенофобские политические дискурсы и политика безопасности, связанная с милитаризацией границ. Вторая группа (Аргентина, Бразилия, Уругвай и Колумбия) искала долгосрочные механизмы регуляризации, основанные на региональных нормах, и поэтому имеет самый высокий уровень регуляризации в регионе.

Бразилия стала одной из стран, принявших большое количество венесуэльцев. В 2018 г. правительство Темера признало уязвимую ситуацию в штате Рорайма на границе с Венесуэлой и учредило Федеральный комитет чрезвычайной помощи для иммигрантов, находящихся в уязвимом положении в соответствии с Указом № 9286. В марте 2018 г. при поддержке бразильской армии, учреждений системы ООН, НПО и организаций гражданского общества была начата операция *Acolhida*, представляющая собой инициативу по организации экстренной гуманитарной помощи для приема беженцев и мигрантов из Венесуэлы на основании постановления № 820/2018, позже преобразованного в Закон № 13684³⁵. Несмотря на взгляды правого толка, правительству Болсонару пришлось продолжать данные меры в связи с непрекращающейся иммиграцией венесуэльцев в Бразилию. Под его руководством *Acolhida* стала самой успешной операцией бразильской армии за последние годы.

Как отмечалось, Бразилия продемонстрировала гуманитарный подход в ответ на массовые потоки венесуэльских мигрантов, что ярко демонстрирует двойственность миграционной политики страны, которая сочетает в себе секьюритизацию и ограничительные меры, связанные с обеспечением национальной безопасности, и при этом может включать специальные меры по защите мигрантов в особо уязвимых ситуациях.

Ряд южноамериканских стран, в частности Чили, Колумбия, Эквадор, Парагвай и Перу ввели специальные временные виды на жительство. Однако, с ростом миграционных потоков усилился дискурс, связанный с безопасностью и ужесточением правил въезда. Так, по мере ухудшения ситуации, Чили, Эквадор и Перу решили ввести визовые требования для венесуэльцев. В Бразилии также были приняты меры, направленные на возобновление концепции безопасности миграции, среди которых постановления № 666 и № 770 от 2019 г. относительно условий предотвращения въезда, репатриации и депортации «опасных» лиц, и законы № 13979 и № 14035 от 2020 г., которые установили временные ограничения на въезд и выезд из страны, вызвавшие критику общественности и экспертов (см. Lago, 2023, p. 36).

³⁵ *Medida provisória* № 820 (2018, February 15). Retrieved September 28, 2024, from https://www.planalto.gov.br/ccivil_03/_Ato2015-2018/2018/Mpv/mpv820.htm

Заключение

В данной статье были рассмотрены основные тенденции управления миграцией в Южной Америке с момента принятия ГДМ. Страны Южной Америки приняли активное участие в подготовке и реализации договора, основные принципы которого соответствуют традициям миграционной политики субрегиона, характеризующейся прогрессивными и либеральными нормами в отношении мигрантов.

Тем не менее, изучаемый период был отмечен ограничениями на передвижение, введенными в связи с пандемией, а также ответными мерами на массовое перемещение населения из Венесуэлы и Центральной Америки. Как показало исследование, эти события способствовали политизации миграции, усилению ксенофобии и принятию ограничительной политики. Венесуэльский кризис решался в основном на основе национальной политики, при этом большую роль играла позиция правящих элит. Однако в то же время южноамериканские государства продолжали проводить политику, отвечающую таким региональным константам управления миграцией, как объединение государственного контроля и защита прав человека, поиск путей регуляризации и расширение прав мигрантов.

Приход к власти правых политических сил в самых влиятельных странах и крупнейших экономиках региона – Аргентине, Бразилии и Чили, Эквадоре и Перу – положил начало нового этапа в политике Южной Америки и укрепил позиции сторонников секьюритизации. В данный период миграционная политика характеризуется двойственным подходом, с одной стороны, основанным на общерегиональной традиции защиты прав человека, но, с другой стороны, – сильным акцентом на контроле миграции в связи с соображениями национальной безопасности.

Венесуэльский кризис ознаменовал собой проверку готовности южноамериканских стран к приему огромных потоков переселенцев, а также эффективности их миграционного законодательства. В этих условиях государства субрегиона были вынуждены выстраивать свою миграционную политику с учетом национальных интересов, отступая от традиций региональной солидарности. Признавая необходимость решения проблемы венесуэльского исхода, каждое государство при этом использовало собственные подходы к управлению миграционными процессами, что свидетельствует о фрагментарном характере миграционной политики в субрегионе в данный период. Аргентина и Колумбия добились большей интеграции венесуэльских иммигрантов посредством регуляризации и расширения их прав. Бразилия, Чили, Эквадор и Перу, скорректировав политический дискурс о миграции в сторону секьюритизации, первоначально предприняли нерецептивные меры, однако непрекращающийся поток мигрантов, большинство из которых находились в нелегальном статусе, заставил эти страны искать пути регуляризации. Политика легализации переселенцев соответствует гуманитарному духу ГДМ и способствует прогрессу в области прав человека мигрантов.

В то же время эти политические ответы сосуществовали с более долгосрочной региональной политикой, основанной на уважении прав мигрантов, содержа-

щейся, например, в Соглашении о проживании МЕРКОСУР. Эту преемственность можно частично объяснить тем фактом, что страны позиционировали себя «открытыми для иммиграции», однако эта «открытость» могла иметь разную степень.

Экономические и политические последствия пандемии и венесуэльского кризиса подчеркнули существующие тенденции секьюритизации в регионе. Некоторые государства использовали милитаризацию и закрытие границ, ужесточение требований въезда для определенных групп иммигрантов и другие меры, способствующие задержанию и высылке. Чили, Аргентина, Бразилия, Эквадор и Перу, являющиеся ключевыми акторами в региональном управлении миграцией и до этого имевшие прогрессивный подход к миграции, приняли ограничительную политику в отношении мигрантов. Колумбия продемонстрировала особый гуманитарный подход, приняв специальный статут, направленный на легализацию беспрецедентного числа венесуэльцев. Таким образом, сосуществование «секьюритистских» и «ориентированных на права человека» политических подходов является фундаментальной чертой управления миграционными процессами в странах Южной Америки.

Список литературы

1. Аршин, К. (2021). Миграционная политика Аргентины: современные тенденции. *Латинская Америка*, (12), 50–66. <https://doi.org/10.31857/S0044748X0017495-3>
2. Кудеярова, Н. Ю. (2020). Латинская Америка: демографическая динамика и трансформация миграционных процессов. *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*, 13(1), 119–140. <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2020-13-1-7>
3. Кудеярова, Н. Ю., Розенталь, Д. М. (2020). Венесуэльский миграционный кризис: демография, нефть и государство. *Латинская Америка*, (6), 42–56. <https://doi.org/10.31857/S0044748X0009592-0>
4. Кудин, О. В. (2022). Миграционные режимы как разновидность административно-правовых режимов и их классификация. *Вестник Московского университета МВД России*, (2), 119–124. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-2-119-124>
5. Потемкина, О. Ю. (2018). Глобальный договор о миграции – успех или провал? *Научно-аналитический вестник Института Европы РАН*, (6), 86–91. <https://doi.org/10.15211/vestnikieran620188691>
6. Acosta, D. (2018). *The National versus the Foreigner in South America. 200 Years of Migration y Citizenship Law*. Cambridge: Cambridge Univ. Press.
7. Acosta, D., & Brumat, L. (2020). Political and Legal Responses to Human Mobility in South America in the Context of the Covid-19 Crisis. More Fuel for the Fire? *Frontiers in Human Dynamics*, (2), 1–6. <https://doi.org/10.3389/fhumd.2020.592196>
8. Acosta, D., & Harris, J. (2022). *Regímenes de política migratoria en América Latina y el Caribe: inmigración, libre movilidad regional, refugio y nacionalidad*. Washington D.C.: BID. <https://doi.org/10.18235/0004362>

9. Beyers, C., & Nicholls, E. (2020). Government through inaction: The Venezuelan migratory crisis in Ecuador. *Journal of Latin American Studies*, 52(3), 633–657.
10. Brumat, L. (2020). Four generations of regional policies for the (free) movement of persons in South America (1977–2016). In G. Rayp, I. Ruysen, & K. Marchand (Eds.), *Regional Integration y Migration Governance in the Global South, United Nations University Series on Regionalism* (pp. 153–176). Cham: Springer International Publishing. https://doi.org/10.1007/978-3-030-43942-2_7
11. Brumat, L. (2021). Gobernanza migratoria en Suramérica en 2021: respuestas a la emigración venezolana durante la pandemia, *Análisis Carolina*, (12), 1–13. https://doi.org/10.33960/AC_12.2021
12. Brumat, L. (2022). América Latina y la agenda de movilidad humana (2021–2022). In J. A. Sanahuja, & P. Stefanoni (Eds.), *América Latina: transiciones ¿hacia dónde? Informe anual 2022–2023* (pp. 79–90) Madrid: Fundación Carolina.
13. Brumat, L., & Vera Espinoza, M. (2024). Actors, Ideas, and International Influence: Understanding Migration Policy Change in South America. *International Migration Review*, 58(1), 319–346. <https://doi.org/10.1177/01979183221142776>
14. Brumat, L., & Finn, V. (2021). Mobility and Citizenship during Pandemics: The Multilevel Political Responses in South America. *Partecipazione e Conflitto*, 14 (1), 321–340. <https://doi.org/10.1285/i20356609v14i1p321>
15. Cernadas, P. C., & Freier, L. F. (2015). Migration policies and policymaking in Latin America and the Caribbean: lights and shadows in a region in transition. In Cantor D. J., Freier L. F., & Gauci J-P. (Eds.), *A Liberal Tide? Immigration and Asylum Law and Policy in Latin America* (pp. 11–32). London: Institute of Latin American Studies.
16. Cortiglia, A. (2018). El pacto mundial para una migración segura, ordenada y regular: el rol de México como cofacilitador. *Boletín del Departamento de América Latina y El Caribe*, 65. https://sedici.unlp.edu.ar/bitstream/handle/10915/108264/Documento_completo.pdf
17. Fajardo del Castillo, T. (2019). El Pacto Mundial por una Migración Segura, Ordenada y Regular: Un instrumento de soft law para una gestión de la migración que respete los derechos humanos. *Revista Electrónica de Estudios Internacionales*, (38), 1–34. <https://doi.org/10.17103/reei.38.02>
18. Gissi, N., Aruj, R., & Polo, S. (2021). Políticas migratorias y cooperación regional en el Cono Sur: gestión institucional de la migración venezolana en Argentina, Chile y Bolivia. *Sociedade e Estado*, 36(03), 1015–1035. <https://doi.org/10.1590/s0102-6992-202136030008>
19. Jarochinski Silva, J. C., Macaísta Malheiros, J. (2024). The politicization of (im) migration in South America: innovative responses and the weakness of legal frameworks regulating mobility. *Carta Internacional*, 18(3), 1–24.
20. Lago, M. C. (2023). *Politica Migratoria Brasileira e Comparada na America do Sul*. São Paulo: Centro de estudios migratorios.
21. Ramírez, J., & Grajales, M. D. P. O. (2021). Disputa política y decisiones gubernamentales sobre migración: el giro a la derecha en Argentina, Brasil y Ecuador. *Revista Izquierdas*, (50), 1–28.
22. Tapia, R. D., Rodríguez, R. R., Rojas, & D. Q. (2020). “Ordenar la casa”:

securitización y producción de irregularidad en el norte de Chile. *Sociologias*, 22(55), 172–196. <https://doi.org/10.1590/15174522-105689>

References

1. Acosta, D. (2018). *The National versus the Foreigner in South America. 200 Years of Migration y Citizenship Law*. Cambridge: Cambridge Univ. Press.
2. Acosta, D., & Brumat, L. (2020). Political and Legal Responses to Human Mobility in South America in the Context of the Covid-19 Crisis. More Fuel for the Fire? *Frontiers in Human Dynamics*, (2), 1–6. <https://doi.org/10.3389/fhumd.2020.592196>
3. Acosta, D., & Harris, J. (2022). *Regímenes de política migratoria en América Latina y el Caribe: inmigración, libre movilidad regional, refugio y nacionalidad* [Migration Policy Regimes in Latin America and the Caribbean: Immigration, Free Regional Mobility, Refuge and Nationality]. Washington D.C.: BID. <https://doi.org/10.18235/0004362> (in Spanish).
4. Arshin, K. (2021). *Migratsionnaya politika Argentyny: sovremennyye tendentsii* [Migration Policy of Argentina: Current Trends]. *Latinskaya Amerika*, (12), 50–66. <https://doi.org/10.31857/S0044748X0017495-3>
5. Beyers, C., & Nicholls, E. (2020). Government through inaction: The Venezuelan migratory crisis in Ecuador. *Journal of Latin American Studies*, 52(3), 633–657.
6. Brumat, L. (2020). Four generations of regional policies for the (free) movement of persons in South America (1977–2016). In G. Rayp, I. Ruysen, & K. Marchand (Eds.), *Regional Integration y Migration Governance in the Global South, United Nations University Series on Regionalism* (pp. 153–176). Cham: Springer International Publishing. https://doi.org/10.1007/978-3-030-43942-2_7
7. Brumat, L. (2021). Gobernanza migratoria en Suramérica en 2021: respuestas a la emigración venezolana durante la pandemia [Migration Governance in South America in 2021: Responses to Venezuelan Emigration During the Pandemic], *Análisis Carolina*, (12), 1–13. https://doi.org/10.33960/AC_12.2021 (in Spanish).
8. Brumat, L. (2022). América Latina y la agenda de movilidad humana (2021–2022) [Latin America and the Human Mobility Agenda (2021–2022)]. In J.A. Sanahuja, & P. Stefanoni (Eds.), *América Latina: transiciones ¿hacia dónde? Informe anual 2022–2023* (pp. 79–90) Madrid: Fundación Carolina. (in Spanish).
9. Brumat, L., & Finn, V. (2021). Mobility and Citizenship during Pandemics: The Multilevel Political Responses in South America. *Partecipazione e Conflitto*, 14(1), 321–340. <https://doi.org/10.1285/i20356609v14i1p321>
10. Brumat, L., & Vera Espinoza, M. (2024). Actors, Ideas, and International Influence: Understanding Migration Policy Change in South America. *International Migration Review*, 58(1), 319–346. <https://doi.org/10.1177/01979183221142776>
11. Cernadas, P.C., & Freier, L.F. (2015). Migration policies and policymaking in Latin America and the Caribbean: lights and shadows in a region in transition. In Cantor D.J., Freier L.F., & Gauci J-P. (Eds.), *A Liberal Tide? Immigration and Asylum Law and Policy in Latin America* (pp. 11–32). London: Institute of Latin

American Studies.

12. Cortiglia, A. (2018). El pacto mundial para una migración segura, ordenada y regular: el rol de México como cofacilitador [The Global Compact for Safe, Orderly and Regular Migration: Mexico's Role as Co-Facilitator]. *Boletín del Departamento de América Latina y El Caribe*, 65. https://sedici.unlp.edu.ar/bitstream/handle/10915/108264/Documento_completo.pdf- (in Spanish).

13. Fajardo del Castillo, T. (2019). El Pacto Mundial por una Migración Segura, Ordenada y Regular: Un instrumento de soft law para una gestión de la migración que respete los derechos humanos [The Global Compact for Safe, Orderly and Regular Migration: A Soft Law Instrument for Migration Management that Respects Human Rights]. *Revista Electrónica de Estudios Internacionales*, (38), 1–34. <https://doi.org/10.17103/reei.38.02> (in Spanish).

14. Gissi, N., Aruj, R., & Polo, S. (2021). Políticas migratorias y cooperación regional en el Cono Sur: gestión institucional de la migración venezolana en Argentina, Chile y Bolivia [Migration Policies and Regional Cooperation in the Southern Cone: Institutional Management of Venezuelan Migration in Argentina, Chile and Bolivia]. *Sociedade e Estado*, 36(03), 1015–1035. <https://doi.org/10.1590/s0102-6992-202136030008> (in Spanish).

15. Jarochinski Silva, J.C., & Macaísta Malheiros, J. (2024). The politicization of (im) migration in South America: innovative responses and the weakness of legal frameworks regulating mobility. *Carta Internacional*, 18(3), 1–24.

16. Kudayarova, N. Yu. (2020). Latinskaya Amerika: demograficheskaya dinamika i transformatsiya migratsionnykh protsessov [Latin America: Demographic Dynamics and the Migration Processes Transformation]. *Kontury global'nykh transformatsiy: politika, ekonomika, pravo*, 13(1), 119–140. <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2020-13-1-7>

17. Kudayarova, N. Yu., Rozental, D.M. (2020). Venesuel'skiy migratsionnyy krizis: demografiya, neft' i gosudarstvo [Venezuelan Migration Crisis: Demography, Oil and the State]. *Latinskaya Amerika*, (6), 42–56. <https://doi.org/10.31857/S0044748X0009592-0>

18. Kudin, O. V. (2022). Migratsionnye rezhimy kak raznovidnost' administrativno-pravovykh rezhimov i ikh klassifikatsiya [Migration Regimes as a Kind of Administrative and Legal Regimes and Their Classification]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*, (2), 119–124. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-2-119-124>

19. Lago, M. C. (2023). *Politica Migratoria Brasileira e Comparada na America do Sul* [Brazilian and Comparative Migration Policy in South America]. São Paulo: Centro de estudios migratorios. (in Portuguese).

20. Potemkina, O. Yu. (2018). Global'nyy dogovor o migratsii – uspekh ili proval? [Global Compact on Migration: A Success or a Failure?]. *Nauchno-analiticheskiy vestnik Instituta Evropy RAN*, (6), 86–91. <https://doi.org/10.15211/vestnikieran620188691>

21. Ramírez, J., & Grajales, M.D.P.O. (2021). Disputa política y decisiones gubernamentales sobre migración: el giro a la derecha en Argentina, Brasil y Ecuador [Political Dispute and Government Decisions on Migration: The Turn to the Right in Argentina, Brazil and Ecuador]. *Revista Izquierdas*, (50), 1–28. (in Spanish).

22. Tapia, R.D., Rodríguez, R.R., & Rojas, D.Q. (2020). “Ordenar la casa”: securitización y producción de irregularidad en el norte de Chile [Getting the House in Order”: Securitization and the Production of Irregularity in Northern Chile]. *Sociologias*, 22(55), 172–196. <https://doi.org/10.1590/15174522-105689> (in Spanish).

Информация об авторе

Екатерина Дмитриевна Крапивницкая, PhD права, кандидат политических наук, доцент кафедры теории и истории международных отношений, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7433-1097>, e-mail: e.d.krapivnitskaya@urfu.ru

Information about the author

Ekaterina Dmitrievna Krapivnitskaya, PhD in Law, Candidate of Political Sciences, Assistant Professor, Department of Theory and History of International Relations, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7433-1097>, e-mail: e.d.krapivnitskaya@urfu.ru
